

Пространственный фактор как форма социальной самоидентификации служилых людей в России в XVII в.

Когда мы начинаем разговор о России XVII в., неизменно приходят в голову мысли, касающиеся процесса становления централизованного самодержавного государства. Именно в это время сформировалось окончательно то ядро огромного по своей территории русского государства, которое стало основой для будущей Имперской России. Завоевание и активная колонизация окраин были движимы различными интересами, экономическими, социальными, политическими, и это движение обязательно сопровождалось становлением пространственного имперского воображения.

Главная задача его – закрепить на новых землях людей. Ведь любое пространство – это не только территория, но и люди, заселившие ее. В этом смысле в России XVII в. соединились две тенденции. С одной стороны, централизация, консолидация вокруг Москвы огромной территории. С другой – интеграция разнородного населения, прикрепление его к определенным местам и создание территориальных корпораций. Как метко замечает английская исследовательница Нэнси Шилдс Коллманн, московские правители, обладая неограниченными властными полномочиями, передавали определенную их часть широкому кругу политических институтов [1, с. 301].

Пространство в это время стало одним из самых важных посреднических и объединяющих факторов, которые привязывали подданных к территории. По мнению Валери Кивельсон, на бескрайних просторах русского государства определить местонахождение людей, идентифицировать их и привязать к месту было столь же насущной задачей, как и идентифицировать людей по чину или сословию [2, с. 24]. Именно на основе своей пространственной принадлежности московские подданные получали средства к существованию, просили защиты у царя и судей, получали признание, как члены какой-либо социальной группы. Их

жизни и судьбы определялись в соответствии с тем пространством, в котором они жили и служили. Поэтому при любых общественных контактах люди идентифицировали себя, в первую очередь, по своему социальному статусу и территориальной принадлежности.

Подавая свое прошение официальному лицу, челобитчик идентифицировал себя по-разному, в зависимости от ситуации. Так, он мог представиться согласно своему положению по службе или сословному статусу, мог выделить свое родовое происхождение, экономическое состояние, этническую характеристику и просто мысли и чувства. Но чаще всего челобитчик подчеркивал географическое положение своей службы – «бьют челом холопи твои государевой дальней твоей заочной отчины великой реки Лены казашишки» [3, с. 79]. Причем географическая привязка имела особое значение для тех случаев, когда регион службы обуславливал трудность ее прохождения. Она выступала дополнительным аргументом к тому, чтобы просьба была удовлетворена. Так, в 1662 г. сургутского беспашенного городу голова стрелецкий и казачий Михаил Петров сын Селин, атаман казачий Федор Елизаров, десятники и рядовые казаки писали: «пожалуйте нас... чтоб нам холопом вашим живучи на елогуе реке на заставе с великие нужи и в конец не погибнуть и голодную смертью не помереть и впредь от ваших великих государей службы не отбыть» [4]. Да и сам социальный статус вполне зависел от географической принадлежности.

Интересно для Сибири наличие такой идентификации как «сибирец», «сибирянин». Причем встречается она довольно часто и, следовательно, не является чем-то из ряда вон выходящим. Так, в 1662 г. бил челом о переводе в конные казаки «сибирянин томскаго города пешего строю казак Васка Неупокоев» [4].

Кроме того, с помощью универсальной формулы «наша братия» человек определял ту социальную группу, к которой он принадлежит. Часто встречаем формулировку: «а наша братия, мещерян» [5, с. 435]. Отсюда видно, что, в первую очередь, челобитчикам важна именно географическая привязка, а не конкретный социальный статус.

Кроме того, можно заметить интересную зависимость. Если обратимся к делам Московского стола, то там всегда четко определена «наша братия», та группа, к которой челобитчик принадлежит. В Сибири же, где не сложилось тесно связанной между собой служилой корпорации, сравнение идет не с абстрактной «братией», а с конкретными лицами. В 1653 или 1654 году казачий голова просил: «пожалуй меня холопа своего вели государь в оклад мне прибавить своего государева денежного и хлебного жалования против сибирских казачих голов как тебе государю Бог известит» [4]. Пожалуй, это чисто пространственное различие.

Таким образом, пространственные категории чина и принадлежности давали одно из наиболее всеобъемлющих средств, с помощью которого люди могли идентифицировать себя, выразить свои интересы и, конечно, ожидать их удовлетворения.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».

Литература

1. Коллманн Н. Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. М.: Древлехранилище, 2001. 459 с.
2. Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значение в России XVII в. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
3. Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА). Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. Д. 261.
4. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 626.
5. Акты Московского государства, изданные Императорской Академии наук. Т. 3: Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664 [Электронный ресурс] / под ред. Д. Я. Самоквасова. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1901. 674 с. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3031/> (дата обращения: 28.02.2015).